

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга откроет впервые для многих из нас удивительный, почти неизведанный, воистину чудесный мир тех верований, обычаев, обрядов, которым всецело предавались на протяжении тысячелетий наши предки — славяне, или, как они себя называли в глубочайшей древности, русы.

Русы... Слово это вобрало в себя просторы от Балтийского моря до Адриатики и от Эльбы до Волги, — просторы, овеянные ветрами вечности. Именно поэтому в нашей энциклопедии встречаются упоминания о самых различных племенах, от южных до варяжских, хотя в основном речь в ней идёт о преданиях русских, белорусов, украинцев.

История наших пращуров причудлива и полна загадок. Верно ли, что во времена великого переселения народов они явились в Европу из глубин Азии, из Индии, с Иранского нагорья? Каков был их единый праязык, из которого, как из семечка яблоко, вырос и расцвёл широкошумный сад наречий и говоров? Над этими вопросами учёные ломают головы уже не одно столетие. Их затруднения понятны: материальных свидетельств нашей глубочайшей древности почти не сохранилось, как, впрочем, и изображений богов. А. С. Кайсаров в 1804 году в «Славянской и российской мифологии» писал, что в России потому не осталось следов языческих, дохристианских верований, что «предки наши весьма ревностно принялись за новую свою веру; они разбили, уничтожили всё и не хотели, чтобы потомству их остались признаки заблуждения, которому они дотоле предавались».

Такой непримиримостью отличались новые христиане во всех странах, однако если в Греции или Италии время сберегло хотя бы малое количество дивных мраморных изваяний, то деревянная Русь стояла среди лесов, а, как известно, Царь-огонь, разбушевавшись, не щадил ничего: ни людских жилищ, ни храмов, ни деревянных изображений богов, ни сведений о них, писанных древнейшими рунами на деревянных дощечках. Вот так и случилось, что лишь негромкие отголоски донеслись до нас из далей языческих, когда жил, цвёл, владывал причудливый мир.

Мифы и легенды в энциклопедии понимаются достаточно широко: не только имена богов и героев, но и всё чудесное, магическое, с чем была связана жизнь нашего предка-славянина, — заговорное слово, волшебная сила трав и камней, понятия о небесных светилах, явлениях природы и прочем.

Древо жизни славян-русов тянется своими корнями в глубины первобытных эпох, палеолита и мезозоя. Тогда-то и зародились первоисточники, первообразы нашего фольклора: богатырь Медвежье Ушко, получеловек-полумедведь, культ медвежьей лапы, культ Волоса-Велеса, заговоры сил природы, сказки о животных и стихийных явлениях природы (Морозко).

Первобытные охотники изначально поклонялись, как сказано в «Слове об идолах» (XII век), «упырям» и «берегиням», затем верховному владыке Роду и рожаницам Ладе и Леле — божествам живительных сил природы.

Переход к земледелию (IV—III тысячелетия до н. э.) отмечен возникновением земного божества Мать Сыра Земля (Мокошь). Землепашец уже обращает внимание на движение Солнца, Луны и звёзд, ведёт счёт по аграрно-магическому календарю. Возникает культ бога Солнца Сварога и его отпрыска Сварожича-огня, культ солнечно-ликого Дажьбога.

Первое тысячелетие до н. э. — время возникновения богатырского эпоса, мифов и сказаний, дошедших до нас в облике волшебных сказок, поверий, преданий о Золотом царстве, о богатыре — победителе Змея.

В последующие столетия на передний план в пантеоне язычества выдвигается громоносный Перун, покровитель воинов и князей. С его именем связан расцвет языческих верований накануне образования Киевской державы и в период её становления (IX—X вв.). Здесь язычество стало единственной государственной религией, а Перун — первобогом.

Принятие христианства почти не затронуло религиозные устои деревни.

Но и в городах языческие заговоры, обряды, поверья, выработанные на протяжении долгих веков, не могли исчезнуть бесследно. Даже князья, княгини и дружинники по-прежнему принимали участие в общенародных игрищах и празднествах, например в русалиях. Предводители дружин наведываются к волхвам, а их домочадцев врачуют вещице жёнки и чародейки. По свидетельству современников, церкви нередко пустовали, а гусяры, кощунники (сказители мифов и преданий) занимали толпы народа в любую погоду.

К началу XIII века на Руси окончательно сложилось двоеверие, дожившее и до наших дней, ибо в сознании нашего народа остатки древнейших языческих верований мирно уживаются с православной религией...

Древние боги были грозны, но справедливы, добры. Они как бы родственны людям, но в то же время призваны исполнять все их чаяния. Перун поражал молнией злодеев, Лель и Лада покровительствовали влюблённым, Чур оберегал границы владений, ну а лукавец Припекало приглядывал за гуляками... Мир языческих богов был величавым — и в то же время простым, естественно слитым с бытом и бытиём. Именно поэтому никак, даже под угрозой самых суровых запретов и расправ, не могла

душа народная отрешиться от древних поэтических верований. Верований, коими жили наши предки, обожествлявшие — наравне с человекоподобными властителями громов, ветров и солнца — и самые малые, самые слабые, самые невинные явления природы и природы человеческой. Как писал в прошлом веке знаток русских пословиц и обрядов И. М. Снегирёв, славянское язычество — это обожествление стихий. Ему вторил великий русский этнограф Ф. И. Буслаев: «Язычники породнили душу со стихиями...»

И пусть ослабела в нашем славянском роде память о Радегасте, Белбоге, Полеле и Позвизде, но и по сию пору шутят с нами лешие, помогают домовые, озоруют водяные, соблазняют русалки — и в то же время умоляют не забывать тех, в кого истово верили наши предки. Кто знает, может быть, эти духи и боги и впрямь не исчезнут, будут живы в своём вышнем, заоблачном, божественном мире, если мы их не позабудем?..

*Юрий Медведев,
лауреат Пушкинской премии*

АЛАТЫРЬ-КАМЕНЬ ВСЕМ КАМНЯМ ОТЕЦ

Поздним вечером вернулись охотники из Перуновой пади с богатой добычей: двух косуль подстрелили, дюжину уток, а главное – здорового вепря, пудов на десять. Одно худо: обороняясь от рогатин, разъярённый зверь распорол клыком бедро юному Ратибору. Отец отрока разодрал свою сорочку, перевязал, как мог, глубокую рану и донёс сына, взвалив на могучую спину, до родного дома. Лежит Ратибор на лавке, стонет, а кровь-руда всё не унимается, сочится-расплывается красным пятном.

Делать нечего – пришлось отцу Ратибора идти на поклон к знахарю, что жил одиноко в избушке на склоне Змеиной горы. Пришёл седобородый старец, рану оглядел, зеленоватой мазью помазал, приложил листьев и травушек пахучих. И велел всем домочадцам выйти из избы. Оставшись вдвоём с Ратибором, знахарь склонился над раной и зашептал:

*На море на Окияне, на острове Буяне
Лежит бел-горюч камень Алатырь.
На том камне стоит стол престоольный,
На столе сидит красна девица,
Швея-мастерица, заря-заряница,
Держит иглу булатную,
Вдевает нитку рудо-жёлтую,
Зашивает рану кровавую.
Нитка, оборвись – кровь, запекись!*

Водит знахарь над раною камушком самоцветным, в свете лучины гранями играющим, шепчет, закрыв глаза...

ДАТЫРЪ КАМЕНЬ

Две ночи и два дня проспал беспросыпно Ратибор. А когда очнулся — ни боли в ноге, ни знахаря в избе. И рана уже затянулась.

По преданиям, камень Алатырь существовал ещё до начала мира. На остров Буян посреди моря-окияна он упал с неба, и на нём были начертаны письмена с законами бога Сварога.

Остров Буян — возможно, так в Средние века называли современный остров Рюген в Балтийском (Алатырском море). Тут возлежал волшебный камень Алатырь, на который садится красная девица Заря, прежде чем расстелить по небу свою розовую фату и пробудить весь мир от ночного сна; тут росло мировое древо с райскими птицами. Позднее, в христианские времена, народное воображение поселило на том же острове и Богородицу вместе с Ильёй-пророком, Егорием Храбрым и сонмом святых, а также самого Иисуса Христа, Царя Небесного.

Под Алатырь-камнем сокрыта вся сила земли Русской, и той силе конца нет. «Голубиная книга», объясняющая происхождение мира, утверждает, что из-под него истекает живая вода. Именем этого камня скрепляется чародейное слово заклинателя: «Кто сей камень изложет, тот мой заговор превозможет!»

Одно из преданий связано с праздником Воздвижения (14/27 сентября)¹, когда все змеи скрываются под землю, кроме тех, что укусили кого-нибудь летом и обречены замёрзнуть в лесах. В этот день змеи собираются кучами в ямах, яругах и пещерах и остаются там на зимовье вместе со своею царицей. Среди них является пресветлый камень Алатырь, змеи лижут его и с того бывают и сыты, и сильны.

Некоторые исследователи уверяют, что Алатырь — это балтийский янтарь. Древние греки называли его электрон и приписывали ему самые чудодейственные лечебные свойства.

¹ *Здесь и далее:* первая цифра указывает день по старому стилю, принятому до 1917 г., вторая — по новому.

БАБА-ЯГА МИЛОСТИВЫЙ ЦАРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, за свою доброту прозванный в народе Милостивый: при нём не случилось ни единой казни. Любил он на старости лет греться в саду на солнышке. Вот как-то сидит он под яблоней, кушает яблочко наливное. И приводят к нему слуги старца с бородою ниже пояса. Докладывают: человек хожалый, странник, обошёл тридевять земель.

— Дивы дивные встречал ли? — вопрошает царь.

— Всяко бывало, — отвечает старец. — От великанов еле спасся. Знался с лешими. Русалок видывал. Водяному сказки сказывал. У Бабы-яги набирался мудрости.

— Сдаётся мне, странник, особой мудрости не надобно, дабы сожрать людишек невинных, — возвысил голос государь.

— Невинных? — поднял старец седые брови. — Тогда закрой глаза.

Царь смежил веки — и увидел себя молодым царевичем, в глубоком лесу, лунной ночью, перед избушкою на курьих ножках. На шестах, воткнутых в землю, торчали человечесьи черепа.

— С чем пожаловал, царевич? — спросила хозяйка избы в красной кожаной безрукавке, синей юбке и красных сапожках. На боку у неё висела зазубренная сабля.

Замерло сердце со страху у незваного гостя, но всё же он собрался с духом и сказал сурово:

— Зачем людишек невинных губишь, повелительница летучих мышей?

— Невинных? Пора б тебе уж поумнеть. Смотри. Тот, чей череп ближе к тебе, при жизни разбойничал люто, убивал

и старых, и малых. Рядом — отравитель трёх своих жён. А последний — предатель, указал врагам тайный подземный ход, и супостаты разорили и сожгли городище вместе со всеми жителями. Преступники, нелюди не достойны суровой казни? Или ты, получив корону, станешь миловать отравителей, убийц, предателей? Что же ты молчишь, повелитель своего глупого черепа?

И в страхе кинулся прочь царевич от избушки на курьих ножках.

Открыл глаза царь, а старец поглаживает седую бороду, улыбается кротко. Царь вздохнул и вымолвил с горечью:

— Как жаль, мудрец, что небеса не назначили нам с тобою встречу полвека тому назад, когда мне было семнадцать лет.

Баба-яга (Яга-Ягинишна, Ягибиха, Ягишна) — древнейший персонаж славянской мифологии. Раньше верили, что Баба-яга может жить в любой деревне, маскируясь под обычную женщину: ухаживать за скотом, стряпать, воспитывать детей. В этом представления о ней сближаются с представлениями об обычных ведьмах. Но всё-таки Баба-яга — существо более опасное, обладающее куда большей силою, чем какая-то ведьма. Чаще всего она обитает в дремучем лесу, который издавна вселял страх в людей, поскольку воспринимался как граница между миром мёртвых и миром живых.

ЦАРСТВО БАБЫ ЯГИ

БАЕННИК ПОПАРИТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ

дин мельник вернулся домой с ярмарки за полночь и решил попариться. Разделся, снял, как водится, нательный крестик и повесил его на гвоздик, залез на полók — и вдруг явился в чаду и дыму страшный мужик с огромными глазами и в красной шапке.

— А, попариться захотелось! — прорычал баенник. — Забыл, что после полуночи баня — наша! Нечистая!

И ну хлестать мельника двумя огромными раскалёнными венниками, пока тот не упал в беспамятстве.

Когда уже к рассвету пришли в баню домочадцы, встревоженные долгим отсутствием хозяина, еле-еле привели его в чувство! Долго трясся он от страха, даже голос потерял, и с тех пор ходил мыться-париться не иначе как до захода солнца, каждый раз читая в предбаннике заговор:

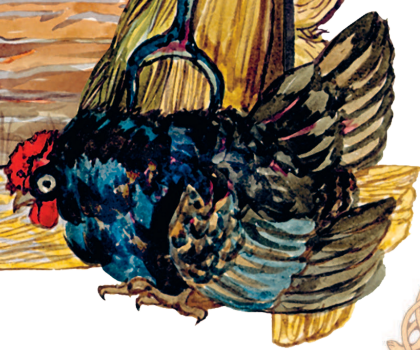
— Встал, благословясь, пошёл, перекрестясь, из избы двери ми, со двора воротами, вышел в чистое поле. Есть в том поле сухая поляна, на той поляне трава не растёт, цветы не цветут. И так же у меня, раба Божия, не было бы ни чирия, ни вереда, ни баенной нечисти!

Баня всегда имела огромное значение для славянина. В нелёгком климате это было лучшее средство избавиться от усталости, а то и изгнать болезнь. Но в то же время это было таинственное место. Здесь человек смывал с себя грязь и хворь, а значит, оно само по себе становилось нечистым и принадлежало не только человеку,

БАСНИК

но и потусторонним силам. Но ходить мыться в баню должен всякий: кто не ходит, тот не считается добрым человеком. Даже банище — место, где баня стояла, — почиталось опасным, и строить на нём жильё, избу либо амбар не советовали. Ни один добрый хозяин не решится поставить на месте сгоревшей бани избу: либо одолеют клопы, либо мышь испортит весь скарб, а там жди и нового пожара! За много веков накопилось множество поверий и легенд, связанных именно с баней.

Как и во всяком месте, здесь обитает свой дух. Это банный, банник, байник, баинник, баенник — особая порода домовых, недобрый дух, злобный старикашка, облачённый в липкие листья, отвалившиеся от веников. Впрочем, он легко принимает облик вепря, собаки, лягушки и даже человека. Вместе с ним здесь обитают его жена и дети, но встретить в бане можно и ови�ников, и русалок, и домовых.

Баенник со всеми своими гостями и челядью любит попариться после двух, трёх, а то и шести смен людей, а моется он только грязной водой, стёкшей с людских тел. Свою красную шапку-невидимку он кладёт сушиться на каменку, её даже можно украсть ровно в полночь — ежели кому повезёт. Но тут уж нужно бежать как можно скорее в церковь. Успеешь добежать, прежде чем баенник проснётся, — будешь обладать шапкой-невидимкой, иначе же баенник догонит и убьёт.

Добиваются расположения баенника тем, что оставляют ему кусок ржаного хлеба, густо посыпанного крупной солью. Полезно также оставлять в кадучках немного воды и хоть маленький кусочек мыла, а в углу — веник: баенники любят внимание и заботу!

